

Утром 7 апреля, я в хорошем расположении духа, бодрый и подтянутый (ничего не скрипит и не хрустит, как обычно с некоторых пор бывает по утрам), следую в деловой центр на Новинском бульваре. Нет, сам я там не работаю, просто по делам моей фирмы надо уладить кое-какие вопросы.

Солнце, теплый ветерок. Москва уже давно начала свой рабочий день, и я с удовольствием отмечаю, что тоже причастен к делам своего города, а так же с не меньшим удовольствием поглядываю на встречаемых женщин, и, вообще, на всех вокруг. Все же весна, кажется, утвердилась и ... Вот она.

Бабочка-шоколадница... В центре Москвы? Ну да... порхает мне навстречу. Впрочем, не порхает. А скорее, отчаянно сражается, машет крыльями, пытаюсь удержаться на лету. Сражается с тем самым легким ветерком, который, возможно, кажется ей штормом. Она вьется почти на одном месте, и мне хочется, чтобы с ней ничего не случилось. Первая бабочка этого года, которую я встретил, и как она попала в водоворот Большого города, скопление людей и машин непонятно.

Немного понаблюдав за бабочкой, я спешу дальше: там, где делаются большие дела, опаздывать не принято.

У газетного киоска, напротив отделения Сбербанка, ко мне не вполне твердой походкой направляется некто. Это мужчина неопределенного возраста, он небрит, неряшлив и с выражением лица человека, который собирается попросить денег. Мужчина высок, широкоплеч, но какой-то помятый, как полуспушенный футбольный мяч. Он похож на бывшего спортсмена, перворазрядника, а может быть, и мастера, кото-

рый в свое время, выполнив спортивные нормативы, в силу неких жизненных обстоятельств, занялся выполнением других, далеких от спорта. И, судя по его виду, добился некоторых результатов. От него сильно пахнет смесью пота и перегара, и это чувствуется даже на свежем воздухе. Представляю, каково будет очутиться вместе с ним в закрытом помещении, например в кабине лифта...

Я не успеваю пройти мимо, он уже передо мной, смотрит сверху вниз, прямо в глаза. И говорит:

— Покорнейше прошу прощения за то, что обращаюсь к вам, незнакомому мне господину. Но не могли бы вы проявить любезность и уделить мне несколько мгновений вашего, без сомнения, очень дорогого времени?

Я не знаю что сказать. Подобный тип должен говорить как-то по-другому. Ну, например: «Командир, выручай...» или «Брат, не дай помереть...», или...

Но он продолжает:

— Я еще раз приношу глубокие извинения, вам, уважаемый, за свою навязчивость, но, видите ли, в чем дело... Обстоятельства сложились таким образом, что я попал, как говорится, в весьма затруднительное положение. Весьма затруднительное...

Мне интересно: если это спившийся спортсмен, то каким видом спорта он занимался? Может быть, шахматы? Но нет, скорее всего, бокс, у него под глазом почти заживший синяк.

Между тем мужчина продолжает:

— ... и теперь вынужден обращаться к добрым гражданам за помощью. Не сочтите за неучтивость, проявленную непосредственно к вам, но не смогли бы вы меня выручить? Я прошу совсем немного, ровно столько, сколько сможете... Понимаете ли, так сложилось...

Ему, действительно, плохо. Я уже успел разглядеть его как следует, пока он торопливо, ни разу не запнувшись, читал свой текст. Конечно, я подумал о том, что свое выступление он подготовил заранее, и не я первый, к кому он обращается таким вот неожиданным образом.

Полное несоответствие его внешнего вида и речи, которую он произнес, было чем-то для меня новым, оригинальным и необычным. Как правило, попрошайки давят на жалость, и делают это так профессионально, что их, действительно, жалко. Этот же представитель выступил просто мастерски. Не знаю, всегда ли он действует таким образом, но, видимо, недостатка в спонсорах у него не бывает. Я понимающе кивнул и дал ему пятьдесят рублей.

Он взял деньги, и с легким поклоном поблагодарил:

— Благодарю вас, от всего сердца благодарю. И дай Бог вам всего хорошего, самого доброго. Там (он указал пальцем на небо) ваш добрый поступок обязательно зачтут. Верьте мне.

Он еще раз поклонился и отошел в сторону. Я же продолжил свое апрельское шествие в деловой центр на Новинском.

Дела решились быстро. Документы отдал, документы получил, с подписями и печатями, улыбнулся девушкам на ресепшене и покинул сверкающее здание.

На обратном пути увидел своего нового, весьма учтливового и милого знакомого. Теперь он сидел на ступеньках у отделения банка, напротив киоска, умиротворенный, и, видимо, вполне довольный жизнью. Он курил сигарету, а на асфальте перед ним стояла вскрытая банка пива «Балтика №9». Просветленным взглядом он посматривал на прохожих, а может быть, следил, не появятся ли вдруг, неожиданно, как это у нас бывает часто, сотрудники полиции. Полицейские не любят, когда кто-нибудь пьет крепкое пиво на ступеньках у банков.

Дальше мне попала та самая бабочка-шоколадница, честное слово! Теперь она сидела на тротуаре и то поднимала, то опускала крылышки, наверное, отдыхала, борьба со стихией дело не из легких. Я надеюсь, что просто отдыхала. Прохожие аккуратно обходили бабочку, и это меня немного приободрило, мне очень хотелось, чтобы она полетела снова.

Я шел своей дорогой и думал, нет ли какой-нибудь связи между бабочкой и «спортсменом», раз уж я их повстречал на пути, и не раз?

Наверное... наверное есть.

Может быть, чтобы я их запомнил? И запомнил, что они тоже жили и были рядом со мной в эту весну, в этот день, в этот час и в этом месте...